

Цзан Гуаньмо сузил глаза и схватил меня за плечи, резко развернув на девяносто градусов. Мы оказались лицом к лицу, и он нахмурился, глядя на меня в упор. Я не испугался, а лишь ответил ему таким же тяжелым, холодным взглядом.

Мы обменивались взглядами, и в какой-то миг мне показалось, что в глубине его зрачков что-то сверкнуло. Он приоткрыл рот и хрипло спросил:

— Зачем вернулся? Не боишься схлопотать по лицу?

— А по-твоему, я должен был бросить тебя и уйти? — я имел в виду, что Цзан Гуаньмо все еще должен мне полторы тысячи, но так как я все-таки считаю себя интеллигентным человеком, то привык прикрывать нагую алчность налетом нежности.

И, надо признать, сила нежности безгранична. Взгляд Цзан Гуаньмо, устремленный на меня, внезапно изменился, стал тягучим, как выдержанная маотай. От одного только предвкушения в воздухе у меня, черт возьми, голова пошла кругом. Цзан Гуаньмо чуть заметно повел уголком губ, подался вперед и прижался лбом к моему:

— Цзяо Цзяо, а ты довольно высокий. Я-то все думал, что ты на полголовы ниже меня.

— Го... голова... — я глупо повторял за ним, язык словно онемел. Его позабавила моя тупость, он не смог скрыть довольную улыбку. Как описать то чувство, что разливалось прямо до костей? По моим скромным меркам — будто нашел клад, пролежавший в земле тысячу лет.

Цзан Гуаньмо, раскинув свои длинные руки и ноги, сидел на ступенях. Он потянул меня к себе, и я, все еще пребывая в прострации, не успел опомниться, как оказался у него между ног. Я практически вжался в его грудь, глаза в глаза, нос к носу. В этой двусмысленной позе я остро ощутил, как внизу живота вспыхнул огонь, и в панике попытался отстраниться.

— Не дергайся, — он крепко обхватил меня руками, прижал к себе, положил подбородок мне на плечо и с явным злым умыслом подул за ухо. Я вздрогнул, когда он понизил голос: — Больше не убегай.

— ...Я никогда не убегал, — я надулся, чувствуя невыносимую, подступающую к горлу обиду. — Стоило мне сделать шаг навстречу, как ты отталкивал меня, да еще и с таким свирепым видом.

— Твою мать! — кто вообще сказал, что Цзан Гуаньмо привлекательный и галантный? Слепые, что ли? Это же самый настоящий дикий зверь. Он оскалился и со всей силы укусил меня за шею. Я вскрикнул от боли, а он в отместку проворчал: — Сама виновата! У тебя дома невеста, и что мне, по-твоему, делать? Кто я такой вообще? Смею ли я о чем-то мечтать! Если бы ты был свободен, я бы, как и говорил в нашу первую встречу: два мужика друг другу приглянулись — ну и пусть, как будет, так будет, я бы сдался на милость судьбы. А ты? У тебя хоть капля смелости есть? Что твоя половинка скажет?

Я замер. То, что так долго оставалось туманным и неопределенным, вдруг было сорвано и брошено мне в лицо. Я не мог вымолвить ни слова — не потому, что не хватило мужества, а потому, что боялся сболтнуть лишнего и навлечь на себя беду.

Видя, что я молчу, Цзан Гуаньмо вздохнул. Помолчав немного, он взъерошил мои волосы, притерся подбородком к моему плечу, а щекой — к моей щеке. Я, как последний дурак, внезапно покраснел, а сердце забилось в бешеном ритме. Он, кажется, усмехнулся, повернул голову и, посмотрев на меня с нежностью, поцеловал в глаза. И тут я... черт, я не сдержался.

— Спрошу тебя, — он продолжал легко тереться лицом о мое, мелкими прикосновениями словно дразня меня, — тебе нравятся танцы, пение, актерские тренировки?

— Черт, — я почувствовал, как зачесались зубы, — ты правда считаешь, что я гожусь для этого?

Мы оба прекрасно знали, сколько сил тратит Цзяо Ян, у которого нет ни капли таланта, чтобы просто поспевать за программой. Каждая мышца на моих ногах была в синяках и растяжениях. Я поднял голову и уставился на него:

— Не задавай глупых вопросов. Ты прекрасно знаешь, ради кого я так упираюсь.

— Мне нравятся упорные люди, — он то ли вздыхал, то ли напевал, нашептывая мне на ухо бесстыдные соблазны, — очень нравятся.

Затем он отстранился и стал смотреть на мое лицо в лунном свете.

Я глупо хихикнул и подался вперед. Он начал игриво уворачиваться, а я, потеряв терпение, распахнул пасть и принялся кусать его наугад. Наигравшись вдоволь, он наконец придержал меня за затылок, пристально посмотрел в глаза и повторил:

— Мне нравятся упорные люди. Очень, очень нравятся.

Затем он склонился, уверенный в своей победе. Едва его губы коснулись моих, он слегка прикусил их — страстно и пылко. Я сначала не хотел закрывать глаза, желая запомнить каждое его выражение лица, но от нахлынувшего головокружения и нехватки кислорода я все же сомкнул веки. Мир вокруг словно очистился, и он принялся изучать мои губы, раз за разом, даже провел кончиком языка...

— Цзан... — я не удержался от стога, так это было чувственно. Как только я открыл рот, он тут же воспользовался моментом: кончик языка Цзан Гуаньмо проник внутрь, дико и страстно протанцевал по каждому уголку, жадно проскользнул в глубину горла, и наши слюны полностью смешались.

...Прошло много времени, прежде чем мы отстранились.

Мы оба выглядели слегка ошарашенными. Это должно было случиться рано или поздно. Волнение давно вышло из-под контроля, попытки прощупать почву были лишь способом, и в итоге — ничья, никто не победил.

Я облизнулся: во рту остался привкус алкоголя, дыма и крови.

— Хе-хе, — я улыбнулся с развратным видом, как кот, укравший сливки. — Брат, признался?

— В чем я признался? — он, получив желаемое, прикинулся дурачком, вытер губы и сделал максимально невинное лицо. — Это ты надул губы и сам полез.

— Врешь! Ты с самого начала точил на меня зуб и подкатывал!

Я в ярости набросился на него с кулаками, а потом лукаво усмехнулся:

— А целуешься ты, парень, не очень. Напора много, а техники — ноль. До крови меня искусал.

Цзан Гуаньмо немного обиделся, посмотрел на мою самодовольную ухмылку, разозлился и щелкнул меня по лбу:

— Ну и что! Я, черт возьми, первый раз в жизни целуюсь, и что с того! Я горжусь этим!

— Не ищи оправданий, — я был на седьмом небе от счастья, что добился своего. Сидя перед ним на корточках, я смотрел на него и думал, что он — бесценное сокровище. — Кто из нас не целуется с парнем в первый раз? У меня тоже нет «преступного прошлого».

— Черт! — он наградил меня взглядом, от которого я едва не подавился слюной.

— Ты... кхм... неужели ты... раньше с девчонками... кхм... никогда не... не... кхм... целовался? Не может быть?

Я заикался от радости, а Цзан Гуаньмо от стыда и злости отвернулся спиной ко мне.

Я, как дикий ослик, спустившийся с гор, навалился на него, уткнувшись в спину. Он попытался отстраниться, но я, ведя себя как последний нахал, принялся его покусывать. Цзан Гуаньмо не выдержал и рассмеялся. Он схватил меня за талию, притянул к стене, прижал своим телом и снова начал целовать — долго и нежно.

Наконец-то...

Больше не хочу спрашивать. Не хочу прощупывать. Не хочу уворачиваться.

Я истощен до предела.

Неужели мы наконец-то можем быть искренними друг с другом?

Я буду с тобой всей душой, а твое сердце — украду, отвоюю, захвачу силой.

Когда мы отстранились, я увидел на его губах серебристую нить слюны, которая в свете фонаря выглядела невероятно эротично. Мы переглянулись и рассмеялись.

Цзан Гуаньмо вдруг напрягся, глядя вперед. Я обернулся: А Ка стоял там, не знаю уж сколько времени, и смотрел на нас с такой вымученной, призрачной улыбкой, что мне стало не по себе.

Я сказал, что пойду в туалет, оставив их наедине. Проходя мимо А Ка, я бросил ему наглую, торжествующую усмешку:

— Великий лжец.

А Ка вздохнул:

— Цзяо Ян, дитя... не важно, кто из нас лжец. Я лишь надеюсь, что Цзан Гуаньмо не станет лгать самому себе.

— Великий лжец, — я весь пропитался ядом и жаждой убийства.

Завернув за угол, я тут же присел на корточки и спрятался в тени стены, чтобы подслушать.

Я приложил столько сил, вытерпел столько мук, чтобы наконец дотронуться до той капли искренности в сердце Цзан Гуаньмо. Если А Ка попытается все разрушить, я готов был даже убить. Я уже придумал план: если он начнет заливать Цзан Гуаньмо всякую чушь про гомосексуализм, я вылью свиной жир ему в шейкер, на него накатают жалобу в санитарную инспекцию, оштрафуют, а может, и посадят. Когда он окажется на дне, я появлюсь, помогу ему, и, возможно, в знак благодарности А Ка отдаст мне все свои сбережения.

Ага, ага... Мышцы лица сводило. Моя старая привычка — предаваться фантазиям — никуда не делась, надо было держать себя в руках.

Там, за углом, слышалось шуршание. Я осторожно выглянул: А Ка достал сигарету и бросил ее Цзан Гуаньмо. Они оба закурили, молча сидя на ступенях.

Цзан Гуаньмо первым прикурил, огонек вспыхнул и погас. Он приподнял бровь, глядя на А Ка, тот наклонился, прикуривая от его огонька, сделал пару затяжек. Дым окутал их, и в этой странной атмосфере обычное лицо А Ка вдруг стало неестественно притягательным. Мое горло сжалось, интуиция вопила:

— Убегай! Не лезь, будет больно.

Но ноги оцепенели, я не мог пошевелиться.

Через некоторое время А Ка выдохнул дым и печально усмехнулся:

— Тот человек больше всего любил прикуривать именно так.

Цзан Гуаньмо с каменным лицом ответил:

— М-м. Все еще думаешь о нем?

А Ка откинулся назад, прислонившись к стене:

— Думаю.

— Все еще любишь? — Цзан Гуаньмо прищурился.

А Ка расхохотался, и в его голосе было столько самоиронии, что у меня сердце сжалось. Он прохрипел:

— Люблю. Ничего не изменилось. Очень люблю.

— ...Черт! — Цзан Гуаньмо бросил сигарету на землю и яростно растоптал ее. — Тебе пора протрезветь, он же отброс общества.

— А ты? Что ты чувствуешь к нему? — спросил А Ка. У меня открылись все поры, я даже дышать боялся, чтобы не пропустить ответ Цзан Гуаньмо.

— Что за глупости! — буркнул Цзан Гуаньмо. — Я никогда его не любил.

Если бы у меня не онемели ноги, я бы выскочил и набросился на него.

— Не то чтобы ты его не любил, просто он лишил тебя способности любить кого-либо еще... — А Ка тихо засмеялся, словно заклинание произносил, каждое слово — как удар. — Цзан, послушай меня. С того самого дня, как ты впервые упомянул передо мной Цзяо Яна, я знал, что между вами что-то будет. Ты не видел своих глаз — они светились так, как даже во время учебы танцам не светились. В тебе появилась жизнь. А потом я увидел Цзяо Яна... — он вздохнул. — Вы оба играли в эти игры. Я не говорил, но все понимал. Чуть что — ты его дразнишь и убегаешь, он в ответ — то ли всерьез, то ли шутя. Никто из вас не осмелился сказать все начистоту. Цзяо Ян — как прозрачное стекло, он влюблялся все глубже и глубже. Я видел это ясно. Цзан, ты знаешь, сколько раз он сидел, глядя на тебя, даже забыв, что бокал пуст? Ты хмурился — он инстинктивно вскакивал. У меня сердце разрывалось, глядя на это, правда разрывалось.

Да кому нужно твое сочувствие!! Я посмотрел на свои руки — они дрожали. Я хотел сжать кулаки, но не мог.

А Ка продолжал:

— ...Я должен был оставаться в стороне, но то упорство, с которым Цзяо Ян идет к цели, пугает меня. Ты знаешь, что каждый раз, когда я учил его танцевать, он повторял твое имя, чтобы просто выдержать? Мне страшно, правда страшно, что Цзяо Ян попадет в беду. Цзан Гуаньмо, скажи мне, после всего, что было с тем человеком, ты веришь в любовь? Способен ли ты любить? Хватит ли у тебя смелости полюбить парня? Ты правда влюбился в Цзяо Яна, или тебя просто подкупило его упорство? Просто скажи «да», и я больше не буду лезть в ваши дела.

Я ничего не понимал. В голове — сплошные загадки.

Цзан Гуаньмо должен был возразить. Он должен был разозлиться, заорать во весь голос: «Цзяо Ян всем нравится!»

Но нет. Ничего не было. Он просто тупо кусал губы, долго смотрел в одну точку, а потом хрипло выдавил:

— ...Я не знаю.

Мои ноги окончательно онемели, оцепенение разлилось по всему телу.

В голове — пустота. Я попытался сдвинуться с места, каждый шаг был как ходьба по гвоздям, боль пронзила сердце. Мне еще никогда не было так больно... так больно, что на глаза навернулись слезы.

Черт возьми!

Когда я пришел в себя, оказалось, что я уже давно ушел из того переулочка. Как дурак, стоял на каком-то незнакомом перекрестке и беззвучно плакал.

Черт, черт!

Уже стемнело, мимо проходили влюбленные пары, с любопытством поглядывая на меня. Я осканился и про себя проклинал их: «Чего вы еще не расстались, а?»

Зазвонил телефон. Я долго тупо смотрел на экран — незнакомый номер. Подумал немного и сбросил.

Звонивший был упорен, как подросток с вечной эрекцией: за пятнадцать минут он чуть не посадил мне аккумулятор. Пришлось ответить, не скрывая злости:

— Ты кто, черт возьми?!

— Это Люй Цюкан.

Голос был совершенно чужой. Кого он пытается обмануть? Я как раз искал, на ком сорвать злость:

— Ты Люй Цюкан? Ха! А я — Сяо Энь!

Я все время называл того дядю «секси-секси», так что почти забыл его настоящее имя.

Как только я это произнес, на том конце провода взорвались:

— Кто?! Кого ты сейчас сказал? Сяо Энь?! ...Да чтоб его... — последовал такой поток отборного мата, который не повторялся в течение пяти минут. Я открыл рот от изумления: «Вот это мастер!» — «Я знал, что он что-то скрывает! Черт, какой я тупой, как я мог не догадаться, что этот Сяо вернулся в страну? Эй, ты, как там тебя, Цзяо... где мой брат? Веди меня к нему, немедленно!»

Меня осенило:

— Ты Люй Цюфу!

На том конце хмыкнули и самодовольно спросили:

— Брат часто обо мне упоминал?

— Нет.

— Врешь! — обиделся он. — Не ври, он наверняка постоянно говорил, хвастался, какой я невероятно красивый.

Черт, я насторожился. Похоже, нашелся кто-то бесстыднее меня, да еще и гордится этим.

Через десять минут Люй Цюфу приехал на такси по моему адресу, чтобы ехать к «базе». Как

только я увидел его в машине, я пришел в ярость.

Я думал, Цзан Гуаньмо достаточно притягательный, но появился кто-то еще более похожий на Аполлона. Черты лица Люй Цюфу были безупречны, взгляд невольно приковывался к нему.

Но больше всего меня бесило то, что это восхищение длилось всего секунду. Стоило мне прийти в себя, как сердце снова пронзила боль, а перед глазами стоял нежный взгляд Цзан Гуаньмо.

Черт, какой же я слабак. Я изо всех сил ударил себя по голове.

Люй Цюфу без умолку болтал, и я узнал, что он уже много дней не мог связаться с братом, поэтому, отчаявшись, полез в записную книжку в шкафу, где первым делом было записано мое имя.

С того самого момента, как я услышал, как Цзан Гуаньмо беспомощно и жалко промямлил «не знаю», мой разум затуманился. Все, что происходило потом, казалось засвеченной фотопленкой — смутно, неясно.

Когда мы вернулись, была глубокая ночь, все спали. Проходя мимо своей комнаты, я бросил взгляд на дверь — она была плотно закрыта. Я понятия не имел, вернулся ли Цзан Гуаньмо. Я так странно исчез, а он даже не позвонил. Черт, какой там поцелуй, я должен был его укусить!

Люй Цюфу, выяснив, где чья комната, принялся яростно колотить в дверь. Я боялся, что разбужу всех. Из комнаты раздался хриплый голос Сяо Эня: «Кто там? Завтра поговорим».

Люй Цюфу разразился такой виртуозной бранью, что она идеально гармонировала с его ангельской внешностью. Я услышал, как в комнате Люй Цюкан издал сдавленный возглас. Секундой позже Сяо Энь с недовольной миной открыл дверь. Он был по пояс голый, на коже виднелись следы поцелуев. Увидев Люй Цюфу, он присвистнул:

— Давно не виделись, Сяо Фу. Ты растешь еще забавнее. Мое прежнее предложение — может, передумаешь?

— Скотина! Что ты сделал с моим братом?! — Люй Цюфу, позеленев от ярости, нанес удар.

Сяо Энь легко уклонился. Я понял, что этот дядя — не промах. Он парировал атаку Люй Цюфу и с насмешливой улыбкой бросил взгляд за спину:

— Ты должен знать, я никогда никого не принуждаю.

Я проследил за его взглядом: Люй Цюкан, нагой, закутанный в тонкое одеяло, был бледным, как смерть, а его тело — в красных пятнах. Эта густая эротичная атмосфера смутила меня, я кашлянул, отступил в коридор и прикрыл дверь.

Я немного постоял в коридоре, слушая сквозь дверь, как Люй Цюфу спорит с Сяо Энем: «Отпусти моего брата, черт возьми!»

Я глупо рассмеялся. Дураки. Кто захочет добровольно отправиться в ад? Обычно это

происходит от бессилия. Ноги знают, куда идти, но сердце кровоточит при каждом шаге. Сердце — оно ведь из плоти, ему больно.

Я больше не стал наблюдать за их «войной» и вышел через боковую дверь на площадку.

Каждый день я бегаю здесь, шаг за шагом.

Я сел в первом ряду трибун и поднял голову. Все ночное небо — как на ладони. Хм, широкое и бескрайнее? Да что в нем толку, если все оно уместается в моих глазах.

В 2:38 ночи зазвонил телефон. Цзан Гуаньмо устало спросил:

— Цзяо Цзяо, ты где? Почему еще не вернулся?

Я промолчал.

В трубке был какой-то слабый звук — не то вздох, не то зевок. Я знал только одно: сегодня я плакал.

Эту обиду я так не оставляю.

Долгое время была тишина. Я сказал, что вешаю трубку — связь дорогая.

Цзан Гуаньмо сказал: «Не вешай, я боюсь, что ты не вернешься».

Я замер. Едва открыл рот, как связь прервалась — автоматический разрыв.

Черт.

Я разозлился, хотел перезвонить, но колебался. Посреди ночи я в бешенстве ходил по площадке.

Вскоре пришло сообщение:

«— Цзяо Цзяо, в моем прошлом была мечта о любви с девушкой. Появился человек, я не любил его, но был почти тронут им. Он упорно пробивался в мою жизнь, но в конце нанес мне смертельный удар — моя спина чуть не была покалечена, это он нанял людей. Поэтому дай мне немного времени».

«Катись к черту». Я рявкнул на экран телефона. Что за бред? Даже в дешевых сериалах больше не показывают этот сюжет про «тени прошлого». Катись к черту, катись!

Я ругался, но рука дрогнула. Неуверенно писал и стирал, и в итоге оставил всего четыре слова:

«— Сколько ждать?»

Отправив сообщение, я почувствовал себя полным ничтожеством и начал проклинать себя последними словами.

Вскоре пришел ответ. Я в волнении открыл его, даже не успев прочитать: «— Бип».

Телефон в самый важный момент отключился. И отключился основательно — пытался несколько раз, но не успевал даже поймать сеть, как умирал.

Ни то ни се.

Я свернулся калачиком на сиденье и задремал.

Когда я снова проснулся, было холодновато.

Несмотря на жару, по ночам здесь всегда зябко.

У меня нет часов.

Нет никаких приборов для измерения времени.

Небо — как одеяло, бескрайнее и величественное.

Я поднял голову: на горизонте забрезжил рассвет.

Надо же, встретил рассвет.

Я поднял левую руку, ладонь вверх. Три линии, четкий рисунок.

Линия сердца — чистая и простая, никаких ответвлений. Неизвестно, с кем связана ее судьба, но я знаю: если выбрал, то буду идти до конца.

Рассвет был стремительным и ослепительным.

Я чувствовал, как впереди становится светлее, легкое тепло коснулось лица. Я поднял голову — возшло солнце.

Я встал и потянулся.

Цзяо Ян, восемнадцать лет, получил удостоверение личности, теперь могу сам решать свою судьбу.

Школа закончена, мозги на месте, обожаю деньги.

По натуре — нахал, если что приметил, ни за что не отступлюсь.

Иду вперед, упрусь в стену — обойду и снова пойду на юг.

Я еще так молод, клянусь — не склоню голову.

<http://bllate.org/book/21141/2144112>